

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «НАВАЛЬНЫЕ против РОССИИ»

(Жалоба № 101/15)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

17 октября 2017 г.

Вступило в силу 5 марта 2018 г.

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Навальные против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой в составе:

Бранко Лубарда, *Председатель*,

Луис Лопес Герра,

Хелен Келлер,

Дмитрий Дедов,

Пер Пастор Виланова,

Алина Полачкова,

Георгиос А. Сергидес, *судьи*,

а также Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,

проведя 26 сентября 2017 года заседание за закрытыми дверями,

Вынес следующее постановление, принятое в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано по жалобе (№ 101/15) против Российской Федерации, поданной в Суд 5 января 2015 года в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») двумя гражданами Российской Федерации, Алексеем Анатольевичем Навальным (далее — «первый заявитель») и Олегом Анатольевичем Навальным (далее — «второй заявитель»).

2. Интересы заявителей представляли О. Михайлова, А. Полозова и К. Полозов, адвокаты, практикующие в г. Москве. Интересы властей Российской Федерации (далее — «власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а затем его преемник М. Гальперин.

3. Заявители утверждали, что признание их виновными по обвинению в присвоении чужого имущества было основано на неправомерном применении уголовного права в нарушение статьи 7 Конвенции, а само разбирательство проводилось с нарушением статьи 6 Конвенции.

4. 8 марта 2016 года жалоба была коммуницирована Властям государства-ответчика.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявители родились в 1976 и 1983 году соответственно.

6. Первый заявитель, Алексей Навальный, является политическим активистом, лидером оппозиции, борцом с коррупцией и популярным блоггером. Он проживает в г. Москве. Второй заявитель, Олег Навальный, является братом первого заявителя; он предприниматель и бывший сотрудник Федерального государственного унитарного предприятия «Почта России». В настоящее время он отбывает наказание в виде лишения свободы сроком три с половиной года в исправительной колонии в Орловской области.

7. С 2005 года второй заявитель работал в Главном центре магистральных перевозок - филиале «Почты России». 1 декабря 2007 года он стал руководителем Главного центра, а впоследствии работал на других руководящих должностях в различных департаментах и подразделениях «Почты России».

8. 17 октября 2006 года «Почта России» заключила договор с ООО «Многопрофильная процессинговая компания» (далее - «МПК») и телекоммуникационной компанией «Ростелеком», по которому МПК обязалась печатать телефонные счета «Ростелекома» и доставлять их клиентам «Ростелекома» через «Почту России».

9. 1 февраля 2007 года «Почта России» по отдельному договору взяла в аренду у МПК электронное оборудование. 10 апреля 2007 года МПК заключила субподрядный договор на

сортировку, упаковку и передачу оборудования, сданного в аренду «Почте России», с частным акционерным обществом - ОАО «Межрегиональный специализированный почтовый центр» (далее - «МСПЦ»).

10. 3 декабря 2007 года заявители и их родители приобрели общество с ограниченной ответственностью «Алортаг Менеджмент Лимитед» (Alortag Management Limited), учрежденное на Кипре.

11. 7 мая 2008 года МПК заключила субподрядный договор на печать счетов «Ростелекома» с ООО «ИПС М-Сити» (далее - «М-Сити»).

12. 19 мая 2008 года «Алортаг Менеджмент Лимитед» учредило российское общество с ограниченной ответственностью - ООО «Главное подписное агентство» (далее - «ГПА»). Никто из заявителей не занимал официально никаких должностей в ГПА, однако, как представляется, второй заявитель активно участвовал в деятельности данной компании.

13. 16 июля 2008 года руководитель Управления почтового обслуживания «Почты России» информировал своего клиента, российскую дочернюю компанию французской компании «Ив Роше» (Yves Rocher) ООО «Ив Роше Восток», о том, что с 1 октября 2008 года прекращает практику, при которой почтовые отправления клиента забирались из конкретного распределительного центра, и что с этого момента данная услуга будет оказываться на основании отдельного договора. После этого Б., менеджер «Ив Роше Восток», обратилась ко второму заявителю за консультацией по поводу передачи почтовых отправлений из распределительного центра, и он посоветовал ей воспользоваться услугами частного подрядчика - ГПА.

14. 2 августа 2008 года финансовый директор «Ив Роше Восток» К.М. подписал транспортно-экспедиторский договор с ГПА на приемку и передачу почтовых отправлений из распределительного центра по стоимости 23 600 российских рублей (руб.) за отправку. 10 августа 2008 года ГПА передало оказание транспортно-экспедиторских услуг по этому договору по субподряду двум специализированным курьерским компаниям. ГПА оплачивало курьерским службам 14 000 руб. за отправку. ГПА и его подрядчики оказывали упомянутые услуги «Ив Роше Восток» до конца 2012 года.

15. 7 ноября 2008 года генеральный директор МПК Ш. подписал договор с ГПА, по которому последнее брало на себя обязательства по оказанию логистических услуг МПК, связанных с печатью, сортировкой, упаковкой и рассылкой телефонных счетов, а также сортировкой, упаковкой и передачей электронного оборудования «Почте России». Впоследствии ГПА передало оказание этих услуг по договорам субподряда семнадцати специализированным компаниям, включая «М-Сити». ГПА и его субподрядчики оказывали эти услуги МПА до марта 2013 года.

16. В тот же самый период первый заявитель начал вести более масштабную публичную антикоррупционную кампанию, направленную против высокопоставленных государственных служащих (см. постановления по делу «Навальный и Офицеров против России» (*Navalnyy and Ofitserov v. Russia*), жалобы №№ 46632/13 и 28671/14, пункт 15, 23 февраля 2016 года). В 2011-2012 годах он организовал и возглавил ряд митингов, включая митинг на Болотной площади в Москве 6 мая 2012 года (см., среди прочих источников, постановление по делу «Фрумкин против России» (*Frumkin v. Russia*), жалоба № 74568/12, пункты 7-65, ECHR 2016 (выдержки)).

17. В начале 2012 года первый заявитель провел расследование в отношении внеслужебной деятельности руководителя Следственного комитета Российской Федерации (далее - «Следственный комитет») А.И. Бастрыкина. 25 апреля 2012 года Следственный комитет по прямому указанию А.И. Бастрыкина, возбудил уголовное дело по факту присвоения чужого имущества в отношении первого заявителя (см. вышеупомянутое постановление по делу «Навальный и Офицеров» (*Navalnyy and Ofitserov*), далее - «дело Кировлеса»). 5 июля 2012 года А.И. Бастрыкин сделал публичное заявление, выразив свое твердое намерение привлечь к ответственности первого заявителя. 26 июля 2012 года первый заявитель опубликовал статью об А.И. Бастрыкине, в которой, в частности, утверждалось, что коммерческая деятельность и статус проживания последнего несовместимы с занимаемой им должностью (там же, пункты 30-31 и 118).

18. 4 декабря 2012 генеральный директор «Ив Роше Восток» Б.Л. подал жалобу в Следственный комитет, утверждая, что в 2008 году неустановленные лица ввели в заблуждение сотрудников его компании и убедили их заключить договор с ГПА, таким образом лишив компанию свободного выбора подрядчика. Он утверждал о возможности того, что в результате компания понесла значительный ущерб.

19. 10 декабря 2012 года первый заявитель обратился с публичным призывом к людям участвовать в «Марше Свободы» - оппозиционном митинге на Лубянской площади 15 декабря 2012 года, в знак протеста против запрета московских властей.

20. В тот же день Следственный комитет принял решение возбудить уголовное дело на основании материала, выделенного в отдельное производство по делу Кировлеса. Материалы нового дела содержали подозрения в мошенничестве, совершенном заявителями в отношении «Ив Роше Восток» и отмывании доходов, полученных в результате незаконных сделок, - преступлениях, предусмотренных статьей 159.4 и пунктами «а» и «б» части 2 статьи 174.1 Уголовного кодекса [Российской Федерации].

21. 20 декабря 2012 года против заявителей были выдвинуты обвинения в мошенничестве и отмывании доходов, полученных преступным путем, на основании статьи 159.4 и пунктов «а» и «б» части 2 статьи 174.1 Уголовного кодекса в связи с действиями, предположительно совершенными в отношении МПК и «Ив Роше Восток».

22. 13 февраля 2013 года второй заявитель ходатайствовал о допросе в качестве свидетелей пяти сотрудников «Ив Роше Восток», в том числе генерального директора Б.Л. и менеджера Б., но 18 февраля 2013 года следователь отказал в удовлетворении ходатайства. Как представляется, указанные свидетели были допрошены в ходе следствия, но заявители не были поставлены в известность об этом факте, или им не была предоставлена возможность проведения официальной очной ставки со свидетелями.

23. 18 июля 2013 года Ленинский районный суд г. Кирова признал первого заявителя виновным в организации хищения/присвоения чужих средств в крупном размере по делу Кировлеса и приговорил его к лишению свободы сроком на пять лет условно. Впоследствии Европейский суд пришел к выводу, что это судопроизводство осуществлялось с нарушением статьи 6 Конвенции (см. вышеупомянутое постановление по делу «Навальный и Офицеров» (*Navalnyy and Ofitserov*), пункты 102-21).

24. 11 февраля 2013 года финансовый директор «Ив Роше Восток» К.М. предоставил следователю отчет внутреннего аудита, в котором утверждалось, что компания не понесла никакого ущерба и не потеряла никакой прибыли из-за своего договора с ГПА; аудиторами было установлено, что ГПА брало за свои услуги рыночную цену.

25. 28 февраля 2014 года Басманный районный суд постановил поместить первого заявителя под домашний арест. Данная мера пресечения оставалась в силе до 5 января 2015 года.

26. 14 августа 2014 г. Замоскворецкий районный суд начал слушание по уголовному делу против заявителей.

27. 14 ноября 2014 года заявители ходатайствовали перед судом о вызове и допросе в качестве свидетелей генерального директора «Ив Роше Восток» Б.Л., менеджера Б. и нескольких сотрудников «Почты России». Они также просили суд истребовать определенные внутренние документы, относящиеся к структуре и функционированию «Почты России». Суд отказал в удовлетворении данных ходатайств.

28. 9 декабря 2014 года заявители обратились к суду с просьбой о вызове шести свидетелей, вновь включая Б.Л. и Б.

29. 15 декабря 2014 года суд по ходатайству прокурора вынес постановление, обязывающее Б.Л. явиться в суд, однако данный акт не был исполнен. Затем суд разрешил зачитать свидетельские показания, которые он и Б. дали в ходе следствия.

30. 19 декабря 2014 года суд закончил разбирательство и объявил, что приговор будет вынесен 15 января 2015 года.

31. Примерно в 16:00 29 декабря 2014 года заявители и их защитник были телефонным звонком вызваны в суд на 9:00 30 декабря 2014 года для заслушивания приговора, вынесение

которого было по неизвестным причинам перенесено с 15 января 2015 года на более ранний срок.

32. 30 декабря 2014 года судом были подготовлены вводная и резолютивная части приговора. Заявители были признаны виновными в отмывании денежных средств и мошенничестве в отношении МПК и «Ив Роше Восток» и были осуждены на основании частей 2 и 3 статьи 159.4 и пунктов «а» и «б» части 2 статьи 174.1 Уголовного кодекса. Первый заявитель был приговорен к лишению свободы условно на срок три с половиной года, а второй заявитель был приговорен к лишению свободы на тот же срок с отбыванием наказания в исправительной колонии. Каждый из них был также оштрафован на сумму 500 000 рублей, и они совместно должны были выплатить МПК 4 498 546 руб. в качестве компенсации ущерба. Суд постановил оставить первого заявителя под домашним арестом, а второго заявителя поместить «под стражу», при этом срок его заключения должен был отсчитываться с этого дня. Вынесение приговора в полном объеме было отложено на 12 января 2015 года.

33. Второй заявитель в тот же день подал жалобу на постановление о применении к нему меры пресечения в виде содержания под стражей.

34. Первый заявитель 31 декабря 2014 года подал жалобу на постановление о продлении меры пресечения в виде домашнего ареста.

35. 12 января 2015 года заявители подали апелляционную жалобу на приговор от 30 декабря 2014 года. В тот же день они получили полный текст приговора, включающий мотивировку признания заявителей виновными в совершении мошенничества. Суд пришел к выводу, что заявители учредили «подставную компанию», - ГПА с намерением использовать ее в качестве посредника для предложения оказания услуг двум клиентам «Почты России» - МПК и «Ив Роше Восток». Суд постановил, что второй заявитель воспользовался преимуществами инсайдерской информации о том, что «Почта России» прекратила оказывать компаниям определенные услуги в связи с отсутствием производственных мощностей, и убедил этих клиентов использовать ГПА в качестве замены; что он ввел клиентов в заблуждение относительно ценовой политики ГПА и его взаимоотношений с «Почтой России», таким образом, лишив клиентов свободы выбора поставщиков услуг; что он занимался продвижением услуг своей компании, хотя знал о том, что ему придется прибегать к помощи субподрядчиков; а также что ГПА оставляло себе разницу между ценами, которые МПК и «Ив Роше Восток» платили за его услуги, и теми ценами, которые ГПА платило своим субподрядчикам. Суд заключил, что упомянутая маржа была похищена у МПК и «Ив Роше Восток» заявителями с использованием ГПА. Суд также постановил, что суммы, о которых идет речь, представляли собой доходы, полученные преступным путем, и что использование этих денег для оплаты аренды офиса ГПА, юридических услуг, дивидендов заявителям, а также для перечислений аффилированным компаниям, представляло собой отмывание денежных средств.

36. 19 января 2015 года прокуратура г. Москвы подала апелляционную жалобу на приговор суда первой инстанции, вынесенного в отношении обоих заявителей, на основании его излишней мягкости.

37. 28 января 2015 года заявители оспорили точность стенограммы слушания в суде первой инстанции. Только некоторые из их поправок были приняты.

38. 11 февраля 2015 года заявители подали дополнительную апелляционную жалобу по ряду вопросов и ходатайство о вызове и допросе шести свидетелей, включая Б.Л. и Б.

39. 17 февраля 2015 года Московский городской суд оставил без изменений приговор, вынесенный судом первой инстанции, за исключением той его части, которой налагался штраф и присуждалась компенсация убытков МПК; эта часть приговора была отменена.

40. 27 апреля 2015 г. заявители подали кассационную жалобу.

41. 26 июня 2015 года Московский городской суд отказал в удовлетворении кассационной жалобы.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

А. Уголовная ответственность за мошенничество и отмыwanie денег

42. Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает:

Статья 158. Кража

«...»

Примечание. 1. Под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.»

Статья 159. Мошенничество

(действует с 29 ноября 2012 года)

«1. Мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, -

наказывается штрафом ... либо лишением свободы на срок до трех лет.

***

4. Мошенничество, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере ...

***

наказываются лишением свободы на срок до десяти лет с возможным применением штрафа в размере до одного миллиона российских рублей, или до суммы оклада/заработной платы или иного дохода за три года с возможным ограничением свободы на срок до двух лет».

Статья 159.4. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности

(действовала с 29 ноября 2012 года по 3 июля 2016 года)

«1. Мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, -

наказывается...

2. То же деяние, совершенное в крупном размере, -

наказывается штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет..., либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок с ограничением свободы на срок до одного года или без такового.

3. То же деяние, совершенное в особо крупном размере, - наказывается штрафом в размере до одного миллиона пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет..., либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового».

Статья 174.1. Легализация (отмыwanie) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления

(действовала с 7 декабря 2011 года по 28 июня 2013 года)

«1. Совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными лицом в результате совершения им преступления, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом -

...совершенное в крупном размере: -

наказывается...

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные:

а) организованной группой;

б) с злоупотреблением служебным положением или в крупном размере, -

наказываются принудительными работами на срок до пяти лет или ограничением свободы на такой же срок ...со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного... за период до трех лет или без такового...».

Статья 174.1. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления

(действует с 28 июня 2013 года)

«1. Совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными лицом в результате совершения им преступления, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом ... совершенное в крупном размере, -

наказывается штрафом в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного... за период до одного года.

2. То же деяние, совершенное в крупном размере, -

наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного... за период от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до двух лет со штрафом в размере до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного... за период до трех месяцев либо без такового... .

3. Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) лицом с использованием своего служебного положения либо в крупном размере, -

наказываются принудительными работами на срок до трех лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до пяти лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного... за период до двух лет или без такового, с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового».

Б. Гражданский кодекс

43. Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает следующее:

Статья 50. Коммерческие и некоммерческие организации

«1. Юридическими лицами могут быть организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности (коммерческие организации), либо не имеющие извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяющие полученную прибыль между участниками (некоммерческие организации).

2. Юридические лица, являющиеся коммерческими организациями, могут создаваться в организационно-правовых формах финансовых товариществ и обществ, производственных кооперативов и государственных и муниципальных унитарных предприятий...»

Статья 424. Цена

«Исполнение договора оплачивается по цене, установленной соглашением сторон».

Статья 179. Недействительность сделок, совершенных под влиянием обмана, принуждения, угрозы, договоренности с преступным умыслом представителя одной стороны с другой, или вследствие стечения неблагоприятных обстоятельств

«Сделка, совершенная под влиянием обмана, принуждения, угрозы или договоренности с преступным умыслом представителя одной стороны с другой, а также сделка, совершенная лицом на крайне невыгодных условиях, вследствие стечения тяжелых обстоятельств, чем другая сторона воспользовалась (кабальная сделка), может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего».

Статья 801. Договор транспортной экспедиции

«1. По договору транспортной экспедиции одна сторона (экспедитор) обязуется за вознаграждение и за счет другой стороны (клиента-грузоотправителя или грузополучателя) выполнить услуги, связанные с перевозкой груза.

Договором транспортной экспедиции могут быть предусмотрены обязанности экспедитора организовать перевозку груза транспортом и по маршруту, избранными экспедитором или клиентом, обязанность экспедитора заключить от имени клиента или от своего имени договор (договоры) перевозки груза, обеспечить отправку и получение груза, а также другие обязанности, связанные с перевозкой.

В качестве дополнительных услуг договором транспортной экспедиции может быть предусмотрено осуществление таких необходимых для доставки груза операций, как получение требующихся для экспорта или импорта документов, выполнение таможенных и иных формальностей, проверка количества и состояния груза, его погрузка и выгрузка, уплата пошлин, сборов и других расходов, возлагаемых на клиента, хранение груза, его получение в пункте назначения, а также выполнение иных операций и услуг, предусмотренных договором.

2. Правила настоящей главы распространяются и на случаи, когда в соответствии с договором обязанности экспедитора исполняются перевозчиком.

3. Условия выполнения договора транспортной экспедиции определяются соглашением сторон, если иное не установлено законом о транспортно-экспедиционной деятельности, другими законами или иными правовыми актами».

Статья 805. Исполнение обязанностей экспедитора третьим лицом

«Если из договора транспортной экспедиции не следует, что экспедитор должен исполнить свои обязанности лично, экспедитор вправе привлечь к исполнению своих обязанностей других лиц.

Возложение исполнения обязательства на третье лицо не освобождает экспедитора от ответственности перед клиентом за исполнение договора».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 7 КОНВЕНЦИИ

44. Заявители подали жалобу на основании статьи 7 Конвенции о том, что они были осуждены в рамках уголовного судопроизводства за действия, которые не являлись противоправными в соответствующее время. Они заявляли, что власти расширили интерпретацию уголовного права до настолько общих и пространных терминов, что она перестала удовлетворять требованиям предсказуемости. Статья 7 Конвенции гласит следующее:

«1. Никто не может быть признан виновным в совершении какого-либо уголовного преступления вследствие какого-либо действия или упущения, которое, согласно действовавшему в момент его совершения внутригосударственному законодательству или международному праву, не являлось уголовным преступлением. Также не может налагаться более суровое наказание, чем то, которое было применимо в период совершения преступления.

2. Настоящая статья не препятствует осуждению и наказанию любого лица за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое в момент его совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами».

А. Приемлемость

45. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является необоснованной по каким-либо иным основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

(а) Власти

46. Власти не согласились с утверждением о том, что в настоящем деле имело место нарушение статьи 7 Конвенции. Они утверждали, что действия, вменяемые в вину заявителям, представляли собой уголовные преступления в соответствующее время. Они ссылались на постановление Конституционного Суда от 27 мая 2008 года № 8-П, в котором указывается, что закон, устанавливающий уголовную ответственность, не может толковаться при его применении расширительно и не должен применяться к деяниям, прямо им не запрещенным, не может применяться по аналогии и не имеет обратной силы.

47. Что касается правовой квалификации уголовных преступлений, вменяемых заявителям, Власти утверждали, что обвинения в мошенничестве и легализации незаконно полученных доходов, совершенных по преступному сговору, явились следствием наличия у второго заявителя инсайдерской информации о договорных отношениях «Почты России» вследствие того, что он являлся сотрудником этой структуры. По мнению Властей, он связывался с контрагентами «Почты России», намеренно вводил их в заблуждение и принуждал их подписывать соглашение с его собственной фирмой – ГПА. В результате, бывшим бизнес-партнерам «Почты России», в частности, МПК, был нанесен ущерб, составивший 4 493 186,88 рублей. В обоснование этого вывода суд сослался на разницу между ценой, установленной ГПА, и ценой, которую ГПА заплатило своим субподрядчикам, считая, что эта разница свидетельствовала о мошенничестве. Тот факт, что ГПА заключило соглашение о предоставлении услуг, но намеревалось привлечь субподрядчиков вместо использования собственных логистических объектов, был расценен судом как элемент мошенничества.

48. На момент вынесения приговора суд первой инстанции изменил квалификацию действий подсудимых с части 4 статьи 159 на части 2 и 3 статьи 159.4, так как на том этапе суд счел очевидным, что мошенничество осуществлялось в сфере предпринимательской деятельности. Власти считали, что такое изменение квалификации было верным и в рамках первоначальных обвинений, так как мошенничество в сфере предпринимательской деятельности являлось одним из видов мошенничества. Они также отметили, что такое изменение квалификации привело к более мягкому наказанию. Власти утверждали, что обвинения и действия, вменяемые заявителям, по сути оставались в рамках первоначальных обвинений, и что защита заявителей не была поставлена в невыгодное положение. Последующие изменения в Уголовном кодексе не имели отношения к настоящему делу, так как мошенничество в сфере предпринимательской деятельности как таковое не было исключено из числа уголовно наказуемых деяний.

(б) Заявители

49. Заявители утверждали, что все действия, которые вменялись им в вину, представляли собой действия, осуществляемые в ходе обычного порядка ведения бизнеса, за которые не должно было предусматриваться наказание как за уголовные преступления. Они заявили, что совершенно нельзя было предвидеть, что они будут привлечены к ответственности за такое поведение.

50. Заявители сослались на определения мошенничества и мошенничества в предпринимательской деятельности, содержащиеся, соответственно, в статьях 159 и 159.4 Уголовного кодекса. Поскольку мошенничество было определено как кража, они также сослались на определение кражи в статье 158 Уголовного кодекса. Заявители подчеркнули, что эти положения были неприменимы к конкретным действиям, вменяемым им. Они утверждали, что обвинения и последующий приговор не содержали важнейших элементов соответствующих преступлений, в частности, таких как неисполнение договорных обязательств, противоправность поведения, отсутствие вознаграждения, или изъятие или присвоение имущества. Заявители также настаивали на том, что в ходе

внутригосударственного разбирательства не было доказано нанесение ущерба владельцу или иному собственнику.

51. Заявители утверждали, что ГПА осуществляло законную, прозрачную в финансовом отношении и регулярную коммерческую деятельность в соответствии со своим уставом и полностью выполняло свои договорные обязательства. Что касается вывода об использовании субподрядчиков для исполнения различных услуг, которые обязалась предоставить вышеупомянутая фирма, ни законодательство, ни контракты не требовали предоставлять услуги с использованием собственного транспорта или логистических структур, и ничто не препятствовало привлечению субподрядчиков, за работу которых заявители несли ответственность. Соответствующие договоры продлевались в течение нескольких лет, что доказывало, что деловые партнеры ГПА были удовлетворены качеством предоставляемых фирмой услуг.

52. Первый заявитель подчеркнул, что ни в обвинениях, ни в приговоре не указаны конкретные преступные действия, предположительно совершенные им как соучредителем материнской компании ГПА. Его роль была ограничена созданием компании, и он никогда не принимал участия в текущей деятельности ГПА.

53. Что касается обвинений согласно статье 174.1, якобы преступные действия, совершенные заявителями, включали только обычные действия и сделки, такие как выплата дивидендов, арендная плата за офисы и оплата услуг.

2. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

(а) Общие принципы

54. Суд напоминает, что гарантия, установленная статьей 7 Конвенции, является важнейшим элементом верховенства права. Она должна толковаться и применяться, как следует из ее предмета и цели, таким образом, чтобы обеспечить эффективную защиту от произвольного преследования, осуждения и наказания (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 17 сентября 2009 года по делу "*«Скоппола против Италии (№ 2)»»* (*Scoppola v. Italy (no. 2)*), жалоба № 10249/03, пункт 92; или постановление Европейского Суда от 6 марта 2012 года по делу "*«Хухтамяки против Финляндии»* (*Huhtamäki v. Finland*), жалоба № 54468/09, пункт 41). Статья 7 не сводится к запрету обратной силы применения уголовного законодательства в ущерб обвиняемому. Эта статья также, в более общем смысле, воплощает в себе тот принцип, что только закон может определять наличие преступления и предписывать наказание (*nullum crimen, nulla poena sine lege*) и принцип, что уголовное законодательство не должно широко толковаться во вред обвиняемому, например, по аналогии. Из этих принципов следует, что преступление должно быть ясно определено законодательством. Данное требование удовлетворяется там, где частное лицо может понять из формулировки соответствующего положения (и, при необходимости, с помощью толкования его судом), какие действия или бездействие могут повлечь для этого лица уголовную ответственность. Говоря о "законодательстве", статья 7 ссылается на ту же концепцию, на которую ссылается Конвенция всякий раз, когда использует этот термин, - концепцию, которая включает как статутное право, так и неписаное право, и подразумевает качественные требования, в частности, в отношении доступности и предсказуемости (см., помимо прочих источников, постановление Европейского Суда от 22 ноября 1995 года по делу "*К.Р. против Соединенного Королевства»* (*C.R. v. the United Kingdom*), пункты 32-33, Серии А, № 335-С; постановление Европейского Суда от 22 ноября 1995 года по делу "*С.В. против Соединенного Королевства»* (*S.W. v. the United Kingdom*), пункты 34-35, Серии А, № 335-В; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "*Штрелец, Кесслер и Кренц против Германии»* (*Streletz, Kessler and Krenz v. Germany*), жалобы №№ 34044/96, 35532/97, 44801/98, пункт 50, ECHR 2001-II; и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "*Кафкарис против Кипра»* (*Kafkaris v. Cyprus*), жалоба № 21906/04, пункт 140, ECHR 2008).

55. Как бы ясно не были сформулированы положения закона в любой законодательной системе, включая уголовное право, существует неизбежный элемент судебного толкования. Всегда будет иметь место необходимость в прояснении пунктов, вызывающих сомнение, и в

адаптации к изменяющимся обстоятельствам. В действительности, в государствах-участниках Конвенции прогрессивное развитие уголовного права через судебное законотворчество является устоявшейся и необходимой частью правовой традиции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дель Рио Прада против Испании» (*Del Río Prada v. Spain*), жалоба № 42750/09, пункты 91-93, ECHR 2013). Статья 7 Конвенции не может толковаться как лишающая законной силы постепенное разъяснение правил уголовной ответственности путем судебной интерпретации по каждому конкретному делу, при условии, что вытекающее из него последствие соответствует сути нарушения, и его можно было разумным образом предвидеть (см., среди прочего, упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «С.В. против Соединенного Королевства», пункт 36; упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штрелец, Кесслер и Кренц против Германии», пункт 50; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К.-Х.В. против Германии» (*K.-H. W. v. Germany*), жалоба № 37201/97, пункт 45, ECHR 2001-II; и постановление Большой Палаты Европейского суда по делу «Рохлена против Чешской Республики» (*Rohlena v. the Czech Republic*), жалоба № 59552/08, пункт 51, ECHR 2015).

56. Закон все еще может удовлетворять требованию «предсказуемости» в том случае, если соответствующему лицу будет необходимо прибегнуть к юридической помощи с тем, чтобы оценить, в пределах, обоснованных в рамках обстоятельств дела, последствия, которые может повлечь то или иное деяние (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ашур против Франции» (*Achour v. France*), жалоба № 67335/01, пункт 54, ECHR 2006-IV, и упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Хухтамяки против Финляндии», пункт 44). Даже в том случае, если тот или иной момент рассматривается в деле заявителя впервые, это не влечет за собой нарушения статьи 7 Конвенции, если данный смысл является предсказуемым и отвечает существу нарушения (см. постановление Европейского Суда по делу «Йоргик против Германии» (*Jorgic v. Germany*), жалоба № 74613/01, пункт 114, ECHR 2007-III; и постановление Европейского Суда от 3 мая 2007 года по делу «Кустерс и др. против Дании» (*Custers and Others v. Denmark*), жалобы №№ 11843/03, 11847/03 и 11849/03; постановление Европейского Суда от 6 октября 2011 года по делу «Сорос против Франции» (*Soros v. France*), жалоба № 50425/06, пункт 126; и упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Хухтамяки против Финляндии», пункт 51).

57. Кроме того, согласно общему подходу Суд ставит под сомнение толкование и применение внутригосударственного права государственными судами только в том случае, если имело место грубое несоблюдение данного права или произвол в его применении (см., *inter alia*, постановление Европейского Суда по делу «Сосьете Колас Эст и другие против Франции» (*Société Colas Est and Others v. France*), жалоба № 37971/97, пункт 43, ECHR 2002-III; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Корбели против Венгрии» (*Korbely v. Hungary*), жалоба № 9174/02, пункты 73-95, ECHR 2008; и постановление Европейского Суда от 25 июня 2009 года по делу «Лиивик против Эстонии» (*Liivik v. Estonia*), жалоба № 12157/05, пункт 101).

(б) Применение данных принципов в настоящем деле

58. В свете изложенных выше принципов Европейский Суд отмечает, что в его задачи не входит вынесение решения по вопросу индивидуальной уголовной ответственности заявителей — этим занимаются в первую очередь внутригосударственные суды. Задача Европейского Суда, с точки зрения части 1 Статьи 7 Конвенции, оценить, подпадают ли деяния, в совершении которых заявители были признаны виновными, под определение достаточно понятного и предсказуемого уголовного преступления.

59. Заявители были признаны виновными в мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности и отмыывании денежных средств по предварительному сговору. В приговоре, где приводится перечень вменяемых им преступных деяний (см. выше пункт 35), говорится, что заявители учредили ГПА с намерением его дальнейшего использования в мошеннической коммерческой деятельности; что второй заявитель, воспользовавшись инсайдерской информацией, убедил двух клиентов «Почты России» — МПК и «Ив Роше Восток» —

пользоваться услугами ГПА; при этом второй заявитель ввел указанных клиентов в заблуждение относительно ценовой политики ГПА и его отношения к «Почте России», тем самым лишив их возможности свободного выбора подрядчиков; что рекламируя услуги своей компании он понимал, что для выполнения отдельных работ компании придется привлекать субподрядные организации; и что ГПА присваивало разницу между полученными от клиентов денежными средствами и выплаченными субподрядчикам суммами. Суды сочли такую маржу денежными средствами, похищенными заявителями у МПК и «Ив Роше Восток» через ГПА, и квалифицировали ее как доходы, полученные преступным путем, а дальнейшее использование этих доходов для оплаты аренды офисного помещения и юридических услуг, а также выплаты заявителям дивидендов и перечисления аффилированным компаниям – отмыванием денежных средств.

60. Изначально обвинение в мошенничестве опиралось на формулировку, данную в статье 159 Уголовного Кодекса («Мошенничество»), и в суде первой инстанции заявителям было предъявлено именно это обвинение. В своем приговоре суд первой инстанции переквалифицировал преступное деяние на мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (статья 159.4 УК). Такой же квалификации придерживался суд апелляционной инстанции. Стоит отметить, что в своей апелляционной жалобе заявители представили возражения в отношении как мошенничества, так и мошенничества в сфере предпринимательской деятельности.

61. Европейский Суд обратил внимание, что статья 159.4 находилась в силе в период рассматриваемых событий, но впоследствии утратила силу. Она определяла «мошенничество в сфере предпринимательской деятельности» как мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Согласно статье 159 «мошенничество» представляет собой «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием». Суды относят деяния заявителей скорее к «хищению», чем «приобретению права на чужое имущество». Определение «хищения», в свою очередь, приводится в примечании к части 1 статьи 158 как «совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества».

62. Принимая во внимание особенности изложенных выше преступных деяний, Европейский Суд отметил, что, по мнению российских судов, преступная деятельность заявителей заключается в образовании подставной компании - ГПА - с преступным умыслом, направленным на обман клиентов «Почты России». Европейский Суд обращает внимание на тот факт, что заявителям не вменялись действия, нарушающие интересы «Почты России», например, использование инсайдерской информации в целях привлечения компании заявителей в качестве субподрядчика (при том, что один из заявителей являлся сотрудником «Почты России»). Единственными потерпевшими в деле о «хищении» являются две компании, бывшие клиентами. В связи с этим Европейский Суд вынужден рассмотреть выводы российских судов относительно характера отношений между ГПА и клиентами, как содержащих признаки обмана или злоупотребления доверием, неуплаты вознаграждения, а также неисполнения договорных обязательств, на предмет использования в них результатов анализа, обоснованность которого вызывает сомнения, а также степень предсказуемости квалификации деяний заявителей как мошенничества в сфере предпринимательской деятельности в отношении указанных выше компаний.

63. Европейский Суд отмечает, что второй заявитель был признан ответственным за подписание МПК и «Ив Роше Восток» договоров с ГПА, а также за неисполнение соответствующих договорных обязательств. Европейский Суд отмечает, что формулировки «договорные обязательства» и «сфера предпринимательской деятельности» используются в статье 159.4 для проведения различия между данным видом мошенничества и просто мошенничеством, которое вытекает из положений Гражданского кодекса, регулирующего деятельность коммерческих организаций и их ответственность в сфере гражданско-правовых отношений. Сама по себе статья 159.4 требует толкования с учетом принципов, установленных Гражданским кодексом в отношении деятельности коммерческих

организаций, их прав и обязанностей при заключении и расторжении договоров, или в соответствии с данными принципами. Однако в настоящем деле суды прибегли к иному толкованию, а именно толкованию статьи 159.4 на основании статьи 159 как общей нормы (*lex generalis*), содержащей основные определения и состав мошенничества. Такое альтернативное толкование позволяет судам признавать человека виновным в мошенничестве за невыполнение договора даже в тех случаях, когда договор не был нарушен, аннулирован или признан недействительным в соответствии с положениями гражданского права. В результате такого толкования обвинение по статье 159.4 в совокупности со статьями 159 и 158 не проводит различий между обманом, совершенным при исполнении договорных обязательств коммерческими организациями, и по сути законными действиями.

64. В настоящем деле суды установили факты неисполнения договорных обязательств, но при этом не пояснили, какие именно действия расцениваются ими как неисполнение обязательств, или какие договорные обязательства не были исполнены. Текст документов не содержит каких-либо утверждений о неисполнении ГПА своих договорных обязательств. Наоборот, оказанные ГПА услуги соответствуют тем, которые были предусмотрены в договорах. Более того, все предусмотренные договорами операции сторонами были выполнены. Что касается субподрядчиков, то экспедиторы, как правило, вправе привлекать к исполнению своих обязательств третьих лиц (статья 805 Гражданского кодекса). А у российских судов не было оснований полагать, что стороны договорились об ином способе исполнения обязательств. Кроме того, клиенты ГПА не возражали против привлечения к оказанию услуг третьих лиц, так как в данной сфере деятельности такое привлечение третьих лиц является общепринятой практикой (см. выше пункты 9, 11 и 24). По сути, между сторонами не возникало никаких споров по поводу исполнения договоров до того момента, как было возбуждено дело о мошенничестве.

65. Выводы судов относительно обмана и/или злоупотребления доверием со стороны второго заявителя, по всей видимости, аналогичным образом основаны на экстраполяции презумпции доверия, вытекающей из статьи 159. Согласно толкованию судов второй заявитель был обязан предложить клиентам более дешевые услуги других компаний или предложить услуги ГПА по той же цене субподрядных организаций. Однако такое обязательство не предусмотрено условиями договоров или правовыми нормами, регулирующими вопросы конфиденциальности, доверия и осмотрительности при осуществлении коммерческих операций между компаниями.

66. Далее Европейский Суд отмечает, что толкование судами статьи 159.4 в свете статьи 159 в настоящем деле обязывает их установить наличие еще одного важного признака мошенничества – наличие у подсудимых «корыстных мотивов». В обычной коммерческой деятельности не всегда можно выявить наличие «корыстных мотивов». Для того должны существовать четкие критерии различия между корыстными мотивами и законной целью общества с ограниченной ответственностью (такого как ГПА), которое является коммерческой организацией, преследующей извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности (статья 50 Гражданского кодекса). По всем признакам ГПА было создано с целью извлечения прибыли, а заявители, как и любой другой основатель коммерческой организации, в своих действиях этой целью и руководствовались. Российские суды не упоминают, каким образом они определили наличие явно уголовного «корыстного мотива» в коммерческих операциях с МПК и «Ив Роше Восток», которые во всех остальных отношениях были законными.

67. Более того, квалификация прибыли ГПА как «похищенного имущества» в отсутствие каких-либо пояснительных замечаний свидетельствует о невозможности провести различия между вменяемым заявителям уголовным преступлением и обычной коммерческой деятельностью.

68. С учетом изложенного выше Европейский Суд приходит к выводу, что обвинение в адрес заявителей в совершении уголовного преступления, предусмотренного статьей 159.4 Уголовного кодекса в редакции, действующей на момент вынесения приговора, было пространное, непредсказуемое и в ущерб интересам заявителей. По мнению Европейского Суда, такое толкование не может считаться соответствующим сущности преступления (см.

упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу по делу «*Лиивик против Эстонии*» (*Liivik v. Estonia*), §§ 100-01; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «*Хухтамяки против Финляндии*» (*Huhtamäki v. Finland*), § 51; а также см. для сравнения постановление Европейского Суда от 25 июля 2013 года по делу «*Ходорковский и Лебедев против России*» (*Khodorkovskiy and Lebedev v. Russia*), жалобы №№ 11082/06 и 13772/05, §§ 788 и далее). С учетом изложенного выше, предвидеть, что действия заявителей в работе с МПК и «Ив Роше Восток» могут рассматриваться как мошенничество или мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, было невозможно. Аналогичным образом нельзя было предвидеть, что прибыль ГТА может рассматриваться как доходы от преступления, использование которых может толковаться как отмывание денег в соответствии со статьей 174.1 Кодекса.

69. Следовательно, в отношении обоих заявителей было допущено нарушение статьи 7 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

70. Заявители жаловались на нарушение пунктов 1, 2 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции в связи с незаконностью и несправедливостью судебного процесса по их уголовному делу, в частности в связи с несоблюдением принципов состязательного производства и равенства сторон в вопросе приобщения и оценки доказательств, а также вызова свидетелей. Они жаловались на то, что были признаны виновными в совершении преступных деяний, которые не могли быть квалифицированы как таковые. Они также утверждали, что были лишены возможности добиться оглашения приговора в открытом заседании в связи с тем, что дата вынесения приговора была перенесена с целью не допустить участия публики и прессы, а также в связи с оглашением на заседании только резолютивной части приговора. Статья 6 Конвенции в соответствующей части гласит:

«1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или — в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо — при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия.

2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком.

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

...

(d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него ...».

A. Приемлемость

71. Власти утверждали, что данная часть жалобы является неприемлемой на том основании, что заявители подали жалобу не исчерпав внутригосударственных средств правовой защиты (в частности, уголовное дело не рассматривалось судом апелляционной инстанции).

72. Согласно позиции Властей, в значении пункта 1 статьи 35 Конвенции окончательным внутренним решением в настоящем деле должно было быть апелляционное определение. Европейский Суд отмечает, что к началу рассмотрения им жалобы такое определение уже было вынесено, так как 17 февраля 2015 года, то есть до коммуницирования жалобы № 101/15 Властям 7 марта 2015 года, Московский городской суд уже рассмотрел по существу апелляционную жалобу заявителей. Поэтому Европейский Суд не считает возможным отклонить данную жалобу в связи с неисчерпанием внутригосударственных средств правовой защиты.

73. Европейский Суд отмечает, что данные жалобы не являются явно необоснованными в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо иным причинам. Следовательно, они должны быть признаны приемлемыми.

Б. Существо жалоб

1. Доводы сторон

(а) Власти

74. Власти не согласились с утверждением заявителей, что они были лишены права на справедливое рассмотрение уголовного дела. Суд первой инстанции изучил все представленные сторонами доказательства, рассмотрел все представленные стороной защиты ходатайства и в случае необходимости вынес постановления об отказе в их удовлетворении.

75. Что касается предполагаемого отказа суда вызвать в суд указанных заявителями свидетелей, то власти обращают внимание, что подсудимые ходатайствовали о вызове в суд шести свидетелей. Суд отказал в удовлетворении данного ходатайства после того, как исчерпал все средства для установления местонахождения свидетелей или обеспечения их явки в суд. У суда были подтверждения получения повесток тремя свидетелями. Двое свидетелей – Б. Л. и Б. – находились за рубежом, и официальными способами с ними нельзя было связаться. Поэтому суд принял правомерное решение огласить во время судебного заседания показания, полученные от указанных свидетелей в ходе предварительного следствия, и приобщить эти показания к материалам дела в качестве доказательств. Власти утверждали, что данные показания, полученные в ходе предварительного следствия, подтверждались показаниями тридцати шести других свидетелей.

76. Власти утверждали, что частичное оглашение приговора было законным, так как одно из двух преступлений, в совершении которых заявители были признаны виновными, подпадало под исключение, предусмотренное статьей 241 Уголовно-процессуального кодекса, в связи с чем допускалось оглашение лишь части приговора. Кроме того, они утверждали, что впоследствии полный текст приговора был выложен в открытый доступ на сайте суда. Более того, они утверждали, что доступ на заседание был открыт для широкой публики не только во время оглашения приговора, но и на протяжении всего судебного разбирательства по уголовному делу. Власти утверждали, что предусмотренный законом пятидневный срок для вручения сторонам текста приговора был соблюден, так как выходные дни с 1 по 11 января 2015 года не учитываются.

77. В заключение Власти отрицали наличие существенных расхождений между протоколами судебных заседаний и их аудиозаписью.

(б) Заявители

78. Заявители поддержали свои жалобы относительно незаконности рассмотрения судами уголовного дела, и заявили, что при предъявлении им уголовного обвинения они были лишены права на справедливое и публичное разбирательство. Они жаловались на произвольное толкование российскими судами положений закона и на непредсказуемость правовой квалификации уголовных преступлений, в совершении которых они были признаны виновными. Они утверждали, что о переквалификации мошенничества в мошенничество в сфере предпринимательской деятельности узнали только после получения на руки приговора суда, в связи с чем были лишены возможности подготовить линию защиты в суде первой инстанции. Кроме того, они заявляли, что независимо от квалификации вменяемые им преступления ничем не отличались от обычной коммерческой деятельности, и что суды не указали, какие именно действия были мошенническими.

79. Заявители жаловались на то, что суды отказались принимать, приобщать и учитывать доказательства, доказывающие невиновность заявителей, что противоречит принципам равноправия сторон и состязательного производства. К таким доказательствам, в частности, относились финансовые документы и квитанции, подтверждающие происхождение денежных

средств заявителей, другие документы, касающиеся деятельности ГПА и аффилированных компаний; письмо ООО «Ив Роше Восток» о непричинении компании какого-либо ущерба; заявление «Почты России» об отсутствии оснований для наложения дисциплинарного взыскания на второго заявителя в связи с его деятельностью в период работы на «Почте России». Кроме того, они утверждали, что в своем приговоре суд опирался на доказательства, которые на заседании либо не рассматривались, либо рассматривались ненадлежащим образом, и что попытки стороны защиты обжаловать приемлемость тех или иных доказательств не получили должного внимания суда. Подаваемые ими ходатайства отклонялись на том основании, что в распоряжении суда уже есть достаточное количество доказательств вины заявителей.

80. В своих жалобах они также жаловались на различные процессуальные нарушения при проведении судебного производства. В частности, они жаловались на то, что суды отказывались вызывать и заслушивать ключевых свидетелей, но при этом приобщали к материалам дела показания, данные этими свидетелями в ходе расследования, а также жаловались на расхождения между протоколом судебного заседания и его аудиозаписью, поспешное вынесение приговора 30 декабря 2014 года и оглашение лишь его резолютивной части.

2. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

81. По вышеупомянутому делу Суд пришел к выводу, что уголовное право исчерпывающее и непредвиденно толковалось в ущерб обвиняемым при определении уголовных обвинений против заявителей, и что такое толкование не может составлять обстоятельство, соответствующее существу преступления, в нарушение статьи 7 Конвенции (см. пункт 68 выше). Жалоба заявителей согласно статье 6 Конвенции, касающаяся предположительно произвольного применения уголовного права, рассматривается в свете этих выводов.

82. Ранее Суд рассмотрел другое дело в отношении первого заявителя, связанное с его осуждением за присвоение чужого имущества. Суд обнаружил, что действия, описанные как уголовные, полностью выходят за рамки положения, в соответствии с которым он был осужден, и что такое толкование закона не соответствует его намеченной цели. Суд посчитал, что в настоящем деле вопросы интерпретации и применения национального права выходят за рамки обычной оценки индивидуальной уголовной ответственности заявителей или установления состава преступления - вопросов, преимущественно находящихся в ведении внутригосударственных судов (см. упоминавшееся выше постановление по делу *«Навальный и Офицеров против России»*, пункт 115). Он счел, что судебная оценка в этом случае является произвольной и нарушает пункт 1 статьи 6 Конвенции.

83. Подобные соображения применяются и в настоящем деле. Суд отмечает, что заявители утверждали на протяжении всего судебного разбирательства, что конкретные действия, вменяемые им в соответствии с обвинениями в мошенничестве и мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности, представляют собой, по сути, правомерное поведение, неотличимое от обычной коммерческой деятельности, предусмотренной Гражданским кодексом (см. пункт 43 выше). Однако эти возражения не рассматривались ни судом первой инстанции, ни апелляционным судом. Суды не установили, что формирует «отсутствие рассмотрения» в отношении обвинений в обычном мошенничестве, так же, как они не идентифицировали то, что составляло несоблюдение договорных обязательств – особую характеристику мошенничества в сфере предпринимательской деятельности. Таким образом, они не смогли вынести решение по тем и другим существенным элементам уголовного преступления, упомянутым в анализе Суда в соответствии со статьей 7 Конвенции (см. пункты 64-67 выше), или провести надлежащую оценку аргументов защиты. Следовательно, решения, принятые национальными судами по уголовному делу заявителей, были произвольными и явно необоснованными (см. постановление Европейского Суда от 15 ноября 2007 года по делу *«Хамидов против России» (Khamidov v. Russia)*, жалоба № 72118/01, пункт 174 и постановление Европейского Суда от 9 апреля 2013 года по делу *«Анджелкович против Сербии» (Anđelković v. Serbia)*, жалоба № 1401/08, пункт 27).

84. Суд считает, что пороком судебного рассмотрения этого дела являлся произвол, который отличался от неверной юридической квалификации или иной ошибки в применении внутригосударственного уголовного права. Это подорвало справедливость уголовного судопроизводства таким фундаментальным образом, что оно сделало другие уголовно-процессуальные гарантии неприменимыми или неуместными.

85. В связи с этим, Суд находит нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении обоих заявителей и не считает необходимым отдельно рассматривать остальные жалобы заявителей согласно пунктам 1-3 статьи 6 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 18 КОНВЕНЦИИ

86. Заявители жаловались, что их уголовное преследование и осуждение за уголовное преступление имело другие цели, кроме привлечения к уголовной ответственности, в частности пресечение общественной и политической деятельности первого заявителя. Они ссылались на статью 18 Конвенции, которая гласит следующее:

«Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены».

87. В прецедентной практике Суда утверждается, что статья 18 Конвенции может применяться только в совокупности с другими статьями Конвенции, и нарушение может возникнуть только в тех случаях, когда право или свобода связаны с ограничениями, допускаемыми в соответствии с Конвенцией (см. постановление Европейского Суда по делу «Гусинский против России» (*Gusinskiy v. Russia*), жалоба №70276/01, пункт 73, ECHR 2004-IV). Заявители утверждали, что их уголовное преследование и осуждение были вызваны политическими причинами, и что эти скрытые мотивы повлияли на каждый аспект дела. Они ссылались на статью 18 в совокупности с двумя основными статьями, поднятыми в этом случае: Статьи 6 и 7 Конвенции.

88. Суд отмечает, что положения статей 6 и 7, в той мере, в какой они имеют отношение к настоящему делу, не содержат каких-либо явных или подразумеваемых ограничений, которые могут стать предметом рассмотрения Суда в соответствии со статьей 18 Конвенции (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Навальный и Офицеров», пункты 129-30). В настоящем деле суть жалобы заявителей о настоящей причине их преследования и осуждения по существу такая же, как и в вышеупомянутом деле.

89. По этой причине жалоба на основании статьи 18 в совокупности со статьями 6 и 7 Конвенции должна быть отклонена как несовместимая с положениями Конвенции ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения (*ratione materiae*).

IV. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ КОНВЕНЦИИ

90. Суд рассмотрел оставшиеся жалобы, поданные вторым заявителем. Тем не менее, принимая во внимание весь материал, имеющийся в его распоряжении, и тот факт, насколько эти жалобы подпадают под его компетенцию, Европейский Суд полагает, что они не выявляют нарушений прав и свобод, установленных Конвенцией и Протоколами к ней. Следовательно, в данной части жалоба является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

91. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.

А. Ущерб

92. За причинение морального вреда заявители требовали следующие суммы: 70 000 евро первому заявителю и 100 000 евро второму заявителю из-за стресса, который они перенесли после того, как против них были возбуждены незаконные и политически мотивированные уголовные дела, на них было оказано интенсивное воздействие со стороны средств массовой информации и был причинен ущерб их репутации. За причинение материального ущерба они совместно потребовали 61 154 евро и 7 078 евро, представляющие собой суммы, эквивалентные штрафу, назначенному в качестве уголовного наказания, и сумме, которую они должны были выплатить по гражданским претензиям. Первый заявитель обратился с просьбой, чтобы какая-либо сумма была переведена на банковский счет его жены, поскольку во время подачи заявлений его собственные банковские счета были под арестом в связи с уголовным делом.

93. Власти заявили, что данные суммы являются чрезмерными и необоснованными. Они также возражали против присуждения компенсации материального ущерба на том основании, что это было бы равносильно отмене внутригосударственных судебных решений. Они утверждали, что признание нарушения, если Суд найдет его, будет достаточной справедливой компенсацией. Власти заявили, что в любом случае любое обнаружение Судом нарушения статей 6 или 7 Конвенции станет основанием для возобновления уголовного судопроизводства в отношении заявителей в соответствии со статьей 413 Уголовно-процессуального кодекса. Власти подчеркивали, что, если заявители будут оправданы, им будет положена компенсация, и на этом этапе они смогут представить свои жалобы во внутригосударственном суде. Они ссылались на указанное выше постановление по делу «Навальный и Офицеров» (пункт 137) и ходатайствовали о том, чтобы Суд действовал по тому же принципу.

94. Суд установил нарушения статей 6 и 7 Конвенции в этом деле и считает, что в данных обстоятельствах лишения и разочарование заявителей не могут быть компенсированы только лишь признанием наличия нарушения. Произведя оценку на справедливой основе, Суд присуждает каждому из заявителей 10 000 Евро в качестве компенсации морального вреда. Эти суммы подлежат выплате на банковские счета, которые должны быть указаны заявителями.

95. Далее Суд обращается к своей сложившейся практике, согласно которой в случае нарушений прав заявителя, гарантированных статьей 6 Конвенции, необходимо, чтобы заявитель был поставлен, насколько это возможно, в такие условия, как если бы требования вышеуказанного положения нарушены не были, и в принципе, наиболее подходящей формой компенсации было бы повторное судебное разбирательство, если заявитель о таковом ходатайствует (см., с учетом необходимых изменений, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Оджалан против Турции» (*Öcalan v. Turkey*), жалоба № 46221/99, пункт 210 в конце, ECHR 2005-IV, и постановление от 13 июля 2006 года по делу «Попов против России» (*Popov v. Russia*), жалоба № 26853/04, пункт 263). То же применимо и к обоим заявителям в настоящем деле.

В связи с этим Суд отмечает, что статья 413 Уголовно-процессуального кодекса предусматривает, что уголовное производство может быть возобновлено, если Судом установлено нарушение Конвенции. Суд считает целесообразным сослаться на общий принцип, касающийся возобновления уголовного производства по постановлению Суда, а именно, что суды, действующие в ходе нового разбирательства, должны быть обязаны исправлять нарушения Конвенции, установленные Судом в его постановлении. Несоблюдение этого требования приведет к тому, что меры индивидуального характера, которые должны быть приняты при исполнении постановления, о котором идет речь, останутся неисполненными, как следует из решения Комитета министров (CM/Del/Dec(2016)1265/H46-24), принятого на 1265-м заседании заместителей министров 20-21 сентября 2016 года по вопросу исполнения постановления Суда по делу «Пичугин против России» (*Pichugin v. Russia*) (жалоба № 38623/03 от 23 октября 2012 года), а также из его решения (CM/Del/Dec(2017)1294/H46-25), принятого на 1294-м заседании заместителей министров

19-21 сентября 2017 года по вопросу исполнения постановления Суда по вышеупомянутому делу «Навальный и Офицеров» (*Navalnyy and Ofitserov*).

96. Ввиду вышеизложенного, Суд принимает заверения Властей Российской Федерации относительно перспектив повторного рассмотрения уголовного дела заявителей и отмечает, что область действия внутригосударственной проверки должна позволить заявителям сформулировать свои требования о возмещении материального ущерба и предоставить их для проверки внутригосударственным судам. На этом основании Суд отклоняет претензии заявителей относительно материального ущерба.

В. Судебные расходы и издержки

97. Заявители потребовали следующие суммы в качестве компенсации юридической помощи во время внутреннего уголовного разбирательства и в Суде. Первый заявитель потребовал в общей сложности 74 812 евро, из которых он заплатил 44 382 евро госпоже Михайловой и 30 430 евро господину Кобзеву. Второй заявитель потребовал 10 971 евро за юридическую помощь господина Полозова в ходе разбирательства внутригосударственного уголовного дела, а также 460 000 российских рублей (RUB), сумму, пока не выплаченную ему госпоже Полозовой за представление его интересов в Суде.

98. Власти оспаривали данные требования на том основании, что договор юридической помощи устанавливал комиссионные, независимо от объема работ, которые должны быть выполнены по договору. Они также оспаривали претензии в отношении правовой помощи второго заявителя в той мере, в какой они касались услуг, оказанных после его осуждения по уголовному делу. Наконец, они утверждали, что замечания, сделанные от имени заявителей в настоящем деле, были слишком краткими, чтобы оправдать испрашиваемые расходы.

99. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек лишь в той части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными. В данном случае, учитывая имевшиеся в его распоряжении документы и вышеупомянутые критерии, Суд считает разумным присудить следующие суммы в отношении компенсации судебных расходов и издержек в ходе внутригосударственного разбирательства и разбирательства в Суде: 45 000 евро первому заявителю, 460 000 рублей и 10 971 евро второму заявителю. Эти суммы подлежат оплате на банковские счета, которые должны быть указаны заявителями, и разделяться между несколькими банковскими счетами по желанию заявителей.

С. Проценты за просрочку платежа

100. Европейский Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ, СУД

1. *Объявил* большинством голосов, что жалобы заявителей по статье 18 в совокупности со статьями 6 и 7 Конвенции неприемлемы;
2. *Объявил* единогласно, что жалобы обоих заявителей согласно ст.ст. 6 и 7 Конвенции приемлемы, а остальная часть жалобы — неприемлема;
3. *Постановил* единогласно, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с отсутствием справедливого судопроизводства по делу в отношении обоих заявителей;

4. *Постановил* единогласно, что необходимость в рассмотрении остальных жалоб, поданных на основании пунктов 1-3 статьи 6 Конвенции, отсутствует в отношении обоих заявителей;
5. *Постановил* единогласно, что в настоящем деле было допущено нарушение статьи 7 Конвенции в отношении обоих заявителей;
6. *Постановил* единогласно,
  - а) что в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции государство-ответчик обязано выплатить заявителям на указанные ими банковские счета следующие суммы, подлежащие конвертации в российские рубли по курсу на день выплаты:
    - (i) 10 000 (десять тысяч) евро каждому заявителю в качестве компенсации причиненного им морального вреда, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма;
    - (ii) первому заявителю – 45 000 евро (сорок пять тысяч евро), плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма, в счет компенсации судебных расходов и издержек;
    - (iii) второму заявителю – 10 971 евро (десять тысяч девятьсот семьдесят один евро) и 460 000 рублей (четыреста шестьдесят тысяч российских рублей) плюс любые налоги, которые могут быть начислены заявителю в отношении расходов и издержки;
  - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода начисления пени плюс три процентных пункта;
7. отклонил пятью голосами против двух остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке; уведомление о постановлении направлено в письменном виде 17 октября 2017 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс

Бранко Лубарда

Секретарь

Председатель

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 Правила 74 Регламента Суда, к данному постановлению прилагаются следующие особые мнения:

- (а) Совместное частично особое мнение судей Келлер и Дедова;
- (б) частично расходящееся мнение судьи Сергидеса.

Б. Л.
Дж.С.П.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ КЕЛЛЕР И ДЕДОВА

1. По причинам, изложенным в пунктах 58-69 и 81-85 настоящего постановления, мы полностью согласны с большинством наших коллег относительно наличия нарушения статей 6 и 7 Конвенции. Однако, мы не можем согласиться с выводом наших коллег о том, что жалоба заявителей по статье 18 Конвенции в совокупности со статьями 6 и 7 является неприемлемой. Заявители в этом случае утверждали, что их внутригосударственное судебное преследование и последующее осуждение за уголовное преступление имели другие цели, кроме привлечения их к ответственности, в частности для ограничения общественной и политической деятельности первого заявителя (см. пункт 86 постановления). Большинство отклонило жалобу заявителей по статье 18 как неприемлемую, отметив, что статья 18 может применяться только в совокупности с другими статьями Конвенции, которые допускают законные ограничения. Суд постановил, что, поскольку ни статья 6, ни статья 7 не содержат явных или подразумеваемых ограничений, жалоба, поданная в соответствии со статьей 18 в совокупности с этими двумя статьями, должна быть отклонена как неприемлемая. Мы не согласны с этим заключением и утверждаем, что, хотя статья 6 не содержит текстового положения, допускающего ограничения, прецедентная практика Суда признала, что это положение имеет неотъемлемые ограничения. Таким образом, жалобы, поданные в соответствии со статьей 18 в совокупности со статьей 6, должны быть приемлемыми.

2. В этом мнении мы сначала рассмотрим историю и цель разработки статьи 18. Затем мы кратко рассмотрим прецедентную практику Суда по статье 18. Затем мы проанализируем конкретные факты этого дела, утверждая, что заявители установили наличие достаточно серьезного доказательства по статье 18 в совокупности со статьей 6. Наконец, мы обратим особое внимание на основную дилемму, с которой сталкивается Суд в подобных делах.

А. История создания и принцип *ratio conventionis*

3. Мы считаем, что большинство недооценивает значимость и масштаб статьи 18 Конвенции. Хотя это положение конкретно относится к ограничениям в отношении конвенционных прав, заявив, что «ограничения, разрешенные в соответствии с [настоящей] Конвенцией по отношению к упомянутым правам и свободам не применяются ни с какими целями, кроме тех, для которых они были предписаны», подготовительные работы по положению показывают, что оно было составлено с гораздо более широким охватом¹. Согласно подготовительным работам, система Конвенции была разработана для сохранения демократии и защиты прав и свобод, закрепленных в ней, от опасностей, создаваемых тоталитарными

¹ *Travaux préparatoires* или подготовительные работы к международному договору часто обсуждаются при толковании положений международного договора. Согласно статье 32 Венской конвенции, можно прибегнуть к дополнительным средствам толкования, в том числе к подготовительным работам по международному договору, когда толкование положения международного договора является двусмысленным или неясным или приводит к явно абсурдному или необоснованному результату. Хотя формулировка статьи 18 представляется ясной, ее прочтение таким образом, как это делает большинство, создало бы диссонанс в рамках Конвенции и противоречило бы ее первоначальной цели, которую можно почерпнуть из подготовительных работ.

режимами². Авторы проекта полагали, что государства могут и всегда найдут оправдания для ограничения прав и свобод отдельных лиц. Для этого можно злоупотреблять общественным интересом к «морали, порядку, общественной безопасности и прежде всего демократическим правам»³. Статья 18, подготовленная в этом контексте, была предназначена для предотвращения злоупотреблений и незаконных ограничений конвенционных прав и свобод, а также для сдерживания возобновления недемократических режимов в Европе. Предварительная версия этой статьи, первоначально являвшаяся частью универсальной нормы ограничений, которая была предназначена для применения ко всем конвенционным правам и свободам⁴, запрещала «любое ограничение гарантированной свободы, основанное не на мотивах общих интересов, а на мотивах государства»⁵. Сегодня роль статьи 18 по-прежнему заключается в том, чтобы защитить отдельных лиц от ограничений их прав посредством действий государства, таких как политически мотивированные судебные преследования, которые противоречат самому духу Конвенции и могут быть неправильно использованы для вытеснения ценностей демократии.

Б. Противоречивая судебная практика по статье 18

4. В большей части прецедентной практики Суда поддерживается это понимание. Несмотря на то, что в течение нескольких десятилетий после вступления в силу Конвенции статья 18 оставалась неприменяемой, она снова заставила о себе говорить после создания постоянного Суда, когда начал применяться более активный подход к рассмотрению жалоб в соответствии с данным положением. Современная практика Суда отражает исходное понимание авторами того, что статья 18 предназначена для защиты людей от опасностей тоталитаризма, и подтверждает применение статьи 18 к политически мотивированным судебным разбирательствам. В последние годы Суд все чаще применяет данное положение. Хотя выводы о нарушениях статьи 18 были довольно редки, отчасти из-за строгой нормы, применяемой Судом в результате презумпции того, что государства в целом добросовестно выполняют свои обязательства по Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 3 июля 2012 года по делу «Луценко против Украины» (*Lutsenko v. Ukraine*), пункты 106-07, жалоба № 6492/11), Суд, тем не менее, обнаружил нарушения статьи 18 Конвенции в ряде случаев.

5. Например, в постановлении Европейского Суда по делу «Гусинский против России» (*Gusinskiy v. Russia*) (пункт 77, жалоба № 70276/01, ECHR 2004-IV) Суд постановил, что «ограничение свободы заявителя, разрешенное в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 статьи 5, применяется не только для в целях передачи [заявителя] компетентному юридическому органу по обоснованному подозрению в совершении

² Заявление Линн Ангед-Томас (Соединенное Королевство) на первой сессии Консультативной ассамблеи Совета Европы, Страсбург, 8 сентября 1949 года, в сборнике «Подготовительные работы» к Европейской Конвенции о защите прав человека, т. 1 (Мартинус Нейгоф, Гаага 1975), стр. 59-60.

³ Заявление Лодовико Бенвенути (Италия) на первой сессии Консультативной ассамблеи Совета Европы, Страсбург, 8 сентября 1949 года, в сборнике «Подготовительные работы» к Европейской Конвенции о защите прав человека, т. 1 (Мартинус Нейгоф, Гаага 1975), стр. 179-80.

⁴ «Сборник «Подготовительные работы», цит.соч., Том 1: Подготовительная комиссия Совета Европы; Комитет министров, Консультационная Ассамблея, 11 мая - 8 сентября 1949 года, стр. 200.

⁵ Там же.

правонарушения, но также по иным причинам». Выводы Суда основывались на соглашении, подписанном между заявителем и исполняющим обязанности Главы Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, из которого ясно следовало, что приказ о задержании заявителя было отдан с целью вынудить заявителя продать свою медиакомпанию государству (там же, пункт 76). В упоминавшемся выше постановлении по делу *«Луценко против Украины»* (см. пункты 106-09) Суд в очередной раз установил, что уголовное преследование заявителя было инициировано не только для предания его правосудию за уголовное преступление, в котором он подозревался, но также «по иным причинам», среди прочего, с целью наказать его за утверждения о своей невиновности и обращение в средства массовой информации в попытке оспорить выдвинутые ему обвинения. Суд вновь признал нарушение статьи 18 в постановлении Европейского Суда от 22 мая 2014 года по делу *«Ильгар Маммадов против Азербайджана»* (*Ilgar Mammadov v. Azerbaijan*) (пункт 27, жалоба № 15172/13). В этом случае заявитель был вызван на допрос в полицию на следующий день после публикации сообщения в блоге с информацией о бунтах, которую власти страны хотели скрыть от общественности. В отношении заявителя было возбуждено уголовное дело за организацию и участие в действиях, которые привели к нарушению порядка, а также к насилию или сопротивлению должностным лицам. Учитывая отсутствие «объективных сведений об основаниях усомниться в честных намерениях заявителя», Суд посчитал достаточными доказательства того, что «фактической целью оспариваемых мер было принуждение к молчанию или наказание заявителя за критику властей, и попытка распространения информации, которую он считал достоверной, и которую власти пытались скрыть» (там же, пункт 143). Существуют также два отдельных дела, которые в настоящее время находятся на рассмотрении Большой Палаты, в которой заявители подали жалобы в соответствии со статьей 18: постановление Европейского Суда от 14 июня 2016 года по делу *«Мерабишвили против Грузии»* (*Merabishvili v. Georgia*) (жалоба № 72508/13) и постановление Европейского Суда от 4 апреля 2016 года по делу *«Навальный против России»* (*Navalnyy and Ofitserov v. Russia*) (жалобы №№ 46632/13 и 28671/14). Тем не менее, ни в одном из этих дел не предлагается решение вопроса, переданного в Суд по данному делу.

6. В рамках данного дела, Суд сталкивается с вопросом о том, можно ли обращаться к статье 18 в совокупности с любым правом по Конвенции или только с теми правами, которые открыто предусматривают обоснованные ограничения. Суд был призван применить дополнительную защиту статьи 18 исключительно в совокупности со статьей 6 или 7 Конвенции. В этом случае большинство придерживалось рассуждений, изложенных в упоминавшемся выше постановлении по делу *Навального и Офицерова*, и считало, что нарушение статьи 18 может возникнуть только в совокупности с другой статьей Конвенции, которая содержит явное или подразумеваемое ограничение. Таким образом, поскольку заявители полагались на статью 18 только в совокупности со статьями 6 и 7, ни одна из которых не содержит таких ограничений, их жалоба была признана несовместимой в виду обстоятельств с положениями Конвенции и, следовательно, неприемлемой для рассмотрения по существу (см. пункты 87-89 постановления).

7. Мы считаем, что большинство в этом случае вновь неоправданно и необоснованно ограничивают сферу применения статьи 18. Хотя в тексте статьи 18 четко указывается, что статья закрепляет дополнительное право, которое должно ссылаться на другую статью Конвенции, нет ничего, чтобы предположить, что такая другая статья должна иметь явные или

подразумеваемые ограничения, встроенные в текст положения. Фактически, история составления статьи 18 может свидетельствовать о том, что ее применение строго в пределах положений Конвенции, содержащих явные условия об ограничении, предусмотрено не было. Вместо этого, в силу *ratio conventionis*, статья 18 применяется к ограничениям по всем конвенционным правам, за исключением абсолютных прав, как, например, статья 3, которые не допускают ограничений и к которым поэтому она не могут быть применена по логике вещей. Статья 6, в отличие от статьи 3, не защищает абсолютное право, и согласно своей формулировке и прецедентному праву Суда это положение включает в себя неотъемлемые или подразумеваемые ограничения (см. постановление Европейского Суда от 23 апреля 1997 года по делу «*Ван Мехелен и другие против Нидерландов*» (*Van Mechelen and Others v. the Netherlands*), пункты 54 и 58, *Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека* 1997-III, постановление Европейского Суда от 26 марта 1996 года по делу «*Доорсон против Нидерландов*» (*Doorson v. the Netherlands*), пункт 72, *Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека* 1996-II, постановление Европейского Суда от 27 февраля 1980 года по делу «*Дьюер против Бельгии*» (*Deweert v. Belgium*), пункт 49, Серия А жалоба № 35; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Карт против Турции*» (*Kart v. Turkey*), жалоба № 8917/05, пункт 67, ECHR 2009 (выдержки) и постановление Европейского Суда от 29 июля 1998 года по делу «*Геран против Франции*» (*Guérin v. France*), пункт 37, *Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека* 1998-V).

8. В своих постановлениях по предыдущим делам Суд прямо разрешал ссылаться на статью 18 в совокупности со статьей 5 Конвенции (см. упоминавшееся выше постановление по делу «*Ильгар Маммадов против Азербайджана*», пункты 137-44), со статьей 8 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 7 декабря 1976 года по делу «*Хэндисайд против Соединенного Королевства*» (*Handyside v. the United Kingdom*), пункт 64, серия А жалоба № 24) и со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 20 сентября 2011 года по делу «*ОАО «Нефтяная компания ЮКОС» против России*» (*OAO Neftyanaya Kompaniya Yukos v. Russia*), жалоба № 14902/04, пункты 659-66). Суд также допускал обращение к статье 18 в совокупности с одним из трех данных положений и других положений Конвенции, например, со статьей 6. Например, в постановлении Европейского Суда от 25 июля 2013 года по делу «*Ходорковский и Лебедев против России*» (*Khodorkovskiy and Lebedev v. Russia*), жалобы №№ 11082/06 и 13772/05), Суд разрешил заявителям подать жалобу в соответствии со статьей 18 в совокупности со статьями 5, 6, 7 и 8. Хотя Суд предупредил, что, когда выдвигаются обвинения в ненадлежащих мотивах государства, Суд должен проявлять особое усердие, он тем не менее тщательно изучил мотивы государства и провел оценку уголовного судопроизводства с тем, чтобы определить, нарушило ли государство статью 18 (там же, пункты 897-909). Хотя Суд постановил, что для выявления нарушения статьи 18 доказательств недостаточно, он не предложил неиспользование статьи 18 в совокупности исключительно со статьей 6. Одним словом, несмотря на то, что статья 6 не предусматривает ограничений в отдельном абзаце, аналогичном тем, которые содержатся в статьях 8-11 Конвенции, отсутствуют априорные причины, по которым статья 18 должна применяться, например, в совокупности со статьей 5, но не в совокупности со статьей 6.

В. Небезосновательная жалоба в данном деле

9. Утверждать, что заявители не могут подавать жалобы в соответствии со статьей 18, статьей 6 или статьей 7 означало бы ограничение важности статьи 18 и уменьшения ее значимости. Актуальность статьи 18 особенно значима при рассмотрении настоящего дела, особенно в отношении первого заявителя. Суд уже согласился с тем, что толкование уголовного преступления, в совершении которых заявители были обвинены, было «было пространным, непредсказуемым» (см. пункт 68 постановления) и что «судебное рассмотрение этого дела было дискредитировано произволом, который отличался от неверной юридической классификации или подобной ошибки в применении внутригосударственного уголовного права» (см. пункт 84), в нарушение пункта 1 статьи 6. Этот процесс «подорвал[о] справедливость уголовного судопроизводства таким фундаментальным образом, что ... сделал другие уголовно-процессуальные гарантии не имеющими отношения к делу» (там же). Эти внутренние уголовные судопроизводства подвергли видного и политически активного человека, критикующего правительство, принципиально несправедливому и произвольному уголовному преследованию. Выделение диссидентов для того, чтобы заставить их замолчать посредством уголовного судопроизводства, является именно тем видом злоупотребления, против которого направлена статья 18 Конвенции. Это представляет собой отдельный вопрос наряду с жалобой по статьям 6 и 7, а также тому, поднятую заявителями в своей небезосновательной жалобе в суде Страсбурга. Они утверждали, что в одном конкретном случае после того, как первый заявитель расследовал внеслужебную деятельность начальника Следственного комитета Российской Федерации (далее — «Следственный комитет») г-на Бастрыкина, было возбуждено уголовное дело в отношении первого заявителя по прямому указанию г-на Бастрыкина (см. пункт 17 постановления). Позднее г-н Бастрыкин выступил с публичным заявлением, в котором выразил свою решимость преследовать первого заявителя (там же). В другом случае, в тот же день, когда первый заявитель сделал публичное заявление о том, чтобы народ участвовал в Марше Свободы, митинге оппозиции на Лубянской площади, Следственный комитет решил открыть уголовное дело на основе материалов, выделенных в отдельное производство из дела «Кировлеса» (см. пункты 19 и 20 постановления).

Г. Дилемма Суда в настоящих делах

10. Учитывая несостоятельность прецедентного права Суда касательно применимости статьи 18 в совокупности со статьей 6, любая Палата, сталкивающаяся с этим вопросом, должна отказаться от [рассмотрения] дела в пользу Большой Палаты в соответствии со статьей 30 Конвенции. Это, однако, представляет собой дилемму для Суда. Во всех этих обстоятельствах заявитель находится в заключении, и у Суда есть веские основания полагать, что задержание основано на несправедливом судебном разбирательстве (см. по данному делу пункт 6 постановления в отношении второго заявителя, см. также постановление Европейского Суда по делу «Ильгар Маммадов против Азербайджана» (*Ilgar Mammadov v. Azerbaijan*) (№ 2), жалоба № 919/15, на момент написания данного особого мнения). Совершенно очевидно, что Суд должен как можно скорее разрешить эти дела, с тем чтобы положить конец якобы необоснованному задержанию. Однако, отказ Большой Палаты отсрочит судебное разбирательство как минимум на год, что, в свою очередь, будет пагубно для заявителей.

Д. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

11. Как видно из этих фактов, существует, по крайней мере, убедительное утверждение о том, что разбирательство по данному делу было не просто непредсказуемо истолковано и принципиально несправедливо в нарушение статей 6 и 7, но также содержало оскорбительный элемент и, возможно, служило незаконной и недемократической цели: заставить замолчать критика правительства и помешать ему участвовать в политической деятельности. Принимая во внимание цель статьи 18, рассмотренную в пунктах 2 и 3 выше, мы считаем, что Суд обязан, по крайней мере, рассмотреть выдвинутые обвинения, а не просто отклонить жалобу как неприемлемую по существу дела. Отклонение жалобы как несовместимой *в виду обстоятельств*, как и сделало большинство, противоречит принципу *ratio conventionis*, характеру статьи 18 и предыдущему прецедентному праву Суда, касающемуся ее. Хотя мы не рассматриваем как свою обязанность вынесение определения по существу жалобы заявителей в данном контексте, мы считаем, что Суду следовало признать жалобу по статье 18 в совокупности со статьей 6 приемлемой.

ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ СЕРГИДЕСА

1. Мое единственное несогласие с большинством заключается в том, что, в отличие от них (см. пункт 89 постановления), я не считаю, что жалоба по статье 18 Конвенции, принятая в совокупности с пунктом 1 статьи 6, должна была быть отклонена как несовместимая в виду обстоятельств с положениями Конвенции.

2. Из формулировки статьи 18 ясно, что она применяется только к правам и свободам, которые подлежат ограничениям, разрешенным в Конвенции (см. постановление Европейского Суда по делу «Гусинский против России» (*Gusinskiy v. Russia*), жалоба № 70276/01, пункт 73, ECHR 2004-IV). Это, возможно, может объясняться тем, что злоупотребление властью или превышение полномочий чаще происходит, когда предписанное ограничение налагается на право. Такое ограничение может открыть выход или окно для национальных властей в смысле использования ограничения для какой-либо цели, кроме той, для которой оно было предписано. Таким образом, такое ограничение подвержено манипулированию. Напротив, абсолютные права не имеют такого слабого места.

3. Положения пункта 1 статьи 6, касающиеся публичного вынесения судебных решений, имеют определенные ограничения, прямо предусмотренные в них.

4. Заявители утверждали, что они были лишены своего права в соответствии с пунктом 1 статьи 6 в целях публичного вынесения постановления в отношении них (см. пункт 70 постановления). Это положение пункта 1 статьи 6, как упоминалось выше, содержит четкие ограничения в отношении того, когда судебное решение не должно объявляться публично. В этой связи право, о котором идет речь, не является абсолютным, но является относительным или ограниченным правом, в связи с чем может применяться статья 18. Поэтому жалоба, основанная на статье 18, взятой в совокупности с пунктом 1 статьи 6, не должна была быть отклонена в виду обстоятельств.

5. Не имеет значения, что в конечном итоге было принято решение об отсутствии необходимости отдельного рассмотрения оставшейся части жалоб заявителя согласно пунктам 1-3 статьи 6 Конвенции, включая соответствующую жалобу (см. пункт 85 постановления). Это происходит потому, что нарушение статьи 18 может быть установлено даже при отсутствии нарушения статьи, в совокупности с которой она применяется (см., помимо прочего, см. упоминавшееся выше постановление по делу «Гусинский против России», пункт 73, и постановление Европейского Суда от 13 ноября 2007 года по делу «Чеботари против Молдовы» (*Cebotari v. Moldova*), жалоба № 35615/06, пункт 49).

6. Данное дело можно отличить от постановления Европейского Суда от 23 февраля 2016 года по делу «Навальный и Офицеров против России» (*Navalnyy and Ofitserov v. Russia*), жалобы №№ 46632/13 и 28671/14), на котором основано постановление, поскольку в данном деле отсутствовали обвинения, аналогичные тем, которые были затронуты в данном деле и упомянуты в пункте 4 выше.

7. Если бы я не был в меньшинстве, на основании вышеупомянутого заключения я был бы вынужден рассмотреть жалобу по статье 18 по существу, и если бы я обнаружил нарушение статьи 18, я, вероятно, присудил бы компенсацию морального вреда заявителям за такое нарушение. Тем не менее, дальнейшие размышления – не моя задача.